

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

КОММЕНТАРИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСКОМРЫБОЛОВСТВА РОССИИ А.Н. МАКОЕДОВА

Сегодня бессмысленно обсуждать вопрос о том, насколько продуманным и обоснованным было решение о необходимости вселения камчатского краба – обитателя тихоокеанских морей – в Баренцево море. В 50–60-е годы уже прошлого столетия мы по-иному оценивали себя и свои возможности. Промышленность страны стремительно развивалась. Мы были первыми не только в балете. Помните, какие масштабные были планы по преобразованию природы? Понятно, что не обошлось и без издержек. Например, не удалось повернуть крупнейшие реки Сибири на юг? Поэтому, если вспомнить о том историческом фоне, на котором принимались некоторые глобальные и не очень глобальные решения, многие вопросы отпадут сами по себе.

Значение и последствия акклиматизационного эксперимента с камчатским крабом на Европейском Севере необходимо рассматривать, по крайней мере, в трех аспектах: научном, экономическом и политическом. Попыток такого рассмотрения немало, однако большинство из них затрагивает какой-нибудь из фрагментов общей проблемы, а в самих подходах часто заключено немало противоречий.

Например, нельзя согласиться с тезисом о том, что уже наступила **необратимая** адаптация краба в Баренцевом море. Мы сейчас наблюдаем за 3-й – 4-й генерацией, размножившейся в новых для вида природных условиях. С позиций популяционной и эволюционной биологии, или, проще говоря, с научной точки зрения, пройденный временной отрезок совершенно недостаточен для того, чтобы можно было говорить об устойчивом существовании популяций вселенца. Следовательно, пока мы можем только гадать, насколько необратим действительно наблюдаемый рост численности краба на Северном бассейне. Если мы признаем наличие общебиологических закономерностей и научимся их учитывать в нашей практической деятельности, то

по-иному начнем воспринимать призывы к развитию крабового промысла. Формирование ажиотажа вокруг последнего – не что иное, как неумело скрываемое стремление в одночасье разгромить сформировавшуюся к настоящему времени биомассу вида. К сожалению, сделать это не слишком сложно. Достаточно посмотреть историю промысла шельфовых крабов на Дальнем Востоке за последние 10–15 лет. Это же классическая иллюстрация последствий нерегулируемого увеличения числа крабоволовных судов на бассейне. Можно, в конце концов, сформулировать и обобщенный вывод в форме теоремы, которую мы уже очень убедительно доказали. **Если промысловые мощности превышают потенциал ресурсной базы этого промысла, то объект неизбежно обречен на потерю своего промыслового значения.**

Формирование предпосылок, способствующих развитию конкуренции на этапе добычи (за квоты), по-видимому, в какой-то степени и сказывается на развитии рыночных отношений в рыбной отрасли, но приводит к подрыву запасов, на освоении которых базируется деятельность отрасли. Однако изложенные выше тезисы не свидетельствуют о том, что в рыбной отрасли не должно быть места конкуренции, а следовательно, и развитию рыночных отношений. Разумные управленческие решения должны формировать такие предпосылки и возможности, при которых конкурентные отношения в основном должны сосредотачиваться вокруг переработки добытых морепродуктов. Именно на этом этапе в настоящий период времени стоимость улова возрастает в среднем примерно в три раза. Наверное, здесь и следует формировать поле конкурентных взаимоотношений. Развитие безотходных технологий и улучшение качества выпускаемой продукции – вот направления, на которых необходимо сосредоточить внимание. Кстати, наши

отраслевые научные институты уже сейчас могут предложить для практического применения достаточно большое количество апробированных технологических разработок.

По-видимому, теперь любому разумному человеку, без антагонизма относящемуся к идее о том, что в государственных органах власти государственные интересы не должны находиться на последнем месте, становится более понятной позиция Государственного комитета Российской Федерации по рыболовству в плане создания на Северном бассейне Ассоциации крабоволовного флота. При этом добыча должна осуществляться в режиме экспериментального (или научного) лова. Кстати, этот самый лов ведут не какие-нибудь инопланетяне, а исключительно российские рыбопромышленники северо-западных субъектов Федерации. Фиксирует наука рост биомассы – увеличиваются объемы возможного изъятия. И не на словах, а на деле мы реализуем принципы предосторожного подхода к эксплуатации биоресурсов и необходимости долгосрочного планирования. И не на словах, а на деле федеральный орган исполнительной власти осуществляет свои управленческие функции.

И в заключение несколько слов о политическом или, точнее сказать, межгосударственном аспекте ситуации с вселением камчатского краба. Как известно, основные промысловые объекты на Северном бассейне находятся в совместном ведении России и Норвегии. С 1975 г. объемы общих допустимых уловов и меры регулирования устанавливает Российско-Норвежская комиссия по рыболовству. Понятно, что в отношении традиционных объектов – трески, пикши, мойвы и др. – сложились определенные стереотипы и в подходах к оценке запасов, и в организации промысла. Последствия интродукции краба и его относительно широкого расселения до сих пор не получили четкой и однозначной оценки сопредельных стран. И в этом нет ничего неожиданного, поскольку неожиданными оказались сами результаты акклиматизации. Главное, что и в России, и в Норвегии понимают, что эти результаты ни в коем случае не следует рассматривать как окончательные, поскольку многие процессы, связанные с адаптацией камчатского краба на Севере, еще находятся в развитии. Поэтому стороны прежде всего сосредоточили внимание на расширении научных исследований вселенца, а в процессе освоения его запасов договорились учитывать специфические особенности рыбного хозяйства России и Норвегии.